

Протяжные удары вечернего барабана разносились по сумеречному небу Кайфына. Приближался конец года, и в крупных заведениях города стало заметно тише, но в маленькой таверне Тань Чжифэна по-прежнему было шумно. В Переулке Пшеничной Соломы жили в основном студенты, чьи дома были далеко, и они не могли поехать домой на Новый год. В такое время им особенно нравилось собираться где-нибудь в шумной компании.

К тому же, стоило опустить занавеску, как холод и тьма оставались снаружи. Гости сидели за столами, болтая по двое-трое. Хотя со дня зимнего солнцестояния прошло уже больше полумесяца, события того дня по-прежнему были самой интересной темой для разговоров. Почти тысяча жителей Кайфына своими глазами видели, как «Чан Юйшань» и «Императорский кот» вместе сорвали заговор людей из Западного Ся. Особенно «Чан Юйшань»: он одним ударом отрубил голову ужасной жёлтой змее, и даже таинственный и величественный белый слон покорился ему.

Говорили также, что сам государь очень хвалил доблесть «Чан Юйшаня» перед своими приближёнными и хотел щедро наградить его деньгами и шёлком, и даже, как и Чжань Чжао, пожаловать ему чин. К сожалению, «Чан Юйшань», казалось, совсем не интересовался этим. Он постоянно скрывал лицо под маской, был очень таинственен, и никто не знал его происхождения.

Выведя головного слона за ворота Алой Птицы, он вместе со своим юным спутником спрыгнул со спины слона и исчез в толпе.

В управе Кайфына дело о смерти Чжан Шаньчу от утопления наконец-то было раскрыто. Хотя Ли Вэймин был введён в заблуждение и использован шпионом из Западного Ся Ели Чанжуном, что привело к гибели его однокашника Чжан Шаньчу, он, к счастью, позже раскаялся и сотрудничал с Чжань Чжао в расследовании. К тому же, Шуанлянь, чтобы завоевать доверие Ели Чанжуна, добровольно приняла пилюлю со змеиным ядом и своевременно передала Сюй Ганю и Тань Чжифэну информацию о планах Ели Чанжуна и его людей на зимнее солнцестояние. Это дало управе Кайфына и императорской гвардии достаточно времени для планирования и подготовки, и в итоге все шпионы из Западного Ся были пойманы.

Кроме того, люди Чжань Чжао, Ван Чао и другие, нашли в книжной лавке сотни уже напечатанных, но ещё не распространённых «демонических книг». Владелец книжной лавки после строгого допроса у судьи Бао в управе Кайфына также признался в сговоре с людьми из Западного Ся.

Два дня назад владелец книжной лавки и более десяти шпионов из Западного Ся были обезглавлены на глазах у жителей Кайфына, что вызвало всеобщее ликование. А Ли Вэймин, хотя после зачёта заслуг и прегрешений его преступление не заслуживало смерти, по закону всё равно должен был быть сослан в какое-нибудь безлюдное место.

Тань Чжифэн слышал от Ван Чао и Ма Ханя, что в итоге именно Чжань Чжао обратился к судье Бао с просьбой за Ли Вэймина, сказав, что Ли Вэймин — студент Императорской академии, а сейчас при дворе нехватка кадров. Вместо того чтобы сослать его, лучше порекомендовать его на службу к сановнику Фаню, помощнику наместника по военным и гражданским делам в Шэньси, который находился в области Яньчжоу.

Он также сказал, что условия на границе в области Яньчжоу суровые, и учёные мужи часто не хотят туда ехать. Если Ли Вэймин сможет поехать туда работать мелким чиновником, занимающимся документами, это будет своего рода искуплением вины.

* * *

Ли Вэймин сидел в таверне. Увидев, как Тань Чжифэн вышел с кухни, он немного смущённо окликнул его:

— Хозяин Тань, господин Чжань спас мне жизнь и устроил мне такую службу. Я хотел бы... хотел бы пригласить его, чтобы поблагодарить, но, судя по его характеру... он, вероятно, не примет никаких подарков... так что...

— Ай-я, а что, если так, — прервал его Чжоу Яньцзин. — Завтра под предлогом проводов Минцзина пригласим сюда всех из управы Кайфына. В таком случае страж Чжань, наверное, не откажется!

— Только вот снова придётся утруждать хозяина Таня с готовкой, но я могу принести бутылку хорошего вина... Цзыцзинь, как думаешь? — Чжоу Яньцзин повернулся к сидевшему рядом Чэнь Цину, но тот лишь рассеянно поднял голову и пробормотал: — О, хорошо.

— Конечно, можно, — тут же согласился Тань Чжифэн. — Что хотите поесть, говорите.

— М-м... — четверо за столом начали шумно обсуждать, и наконец Люй Ян сказал: — Эх, сколько ни думаю, а всё вспоминаю тот «босягун», который я ел, когда впервые пришёл к вам, хозяин Тань! Только вот крольчатина... с одного кролика мяса-то немного, а народу много, не будет ли слишком хлопотно?

— Хотите мясо на вертеле? — Тань Чжифэн немного подумал и спросил.

— Да! — хором ответили все, и даже у Чэнь Цина, который в последние дни выглядел поникшим, глаза немного заблестели.

— Хорошо! — У Тань Чжифэна внезапно появилась идея. Он улыбнулся и сказал: — Тогда я обязательно хорошо подготовлюсь и постараюсь, чтобы все остались довольны.

— Хозяин Тань! — крикнул кто-то с другой стороны. Тань Чжифэн поспешно извинился и пошёл обслуживать гостей.

Проходя по узкому проходу между рядами столов, Тань Чжифэн то и дело слышал, как упоминают имя «Чан Юйшань». Сидевший за стойкой И-и поднял голову, и с насмешливым выражением лица, скривив губы, показал Тань Чжифэну книгу, которую держал в руках. В последнее время новые повести были либо о «Чан Юйшане, сражающемся с демоном-змеем», либо о «Мудром коте, ловящем злодеев из Западного Ся». По словам И-и, почти каждый день появлялись новые истории, и рассказчики в разных развлекательных кварталах рассказывали всё более невероятные вещи.

— Думаю, ещё через пару дней Чан Юйшань станет перерождением Будды, — сказал И-и, возвращаясь сегодня с покупками, и бросил взгляд на Сюй Ганя, пробормотав это Тань Чжифэну.

Тань Чжифэну совсем не нравилась эта чрезмерная реклама того события со стороны недобросовестных книготорговцев. Он боялся, что эти выдуманные истории пробудят воспоминания Сюй Ганя и вызовут у него подозрения.

Однако Тань Чжифэн заметил, что хотя Сюй Гань не проявлял никакого интереса к этим повестям и уличным слухам, и когда Тань Чжифэн осторожно спрашивал его, он лишь говорил:

«...некоторые вещи тогда не очень хорошо помню...», но он часто, вспоминая что-то и не могя понять, принимал растерянное и настороженное выражение лица.

Он щурил глаза, смотрел вдаль и молча стоял один. Тань Чжифэну всегда казалось, что в таком виде он немного непостижим, и та близость и знакомство, которые они с трудом установили, в этот момент казались особенно хрупкими. И именно в такие моменты он понимал, что на самом деле не так уж хорошо знает Сюй Ганя.

* * *

Вернувшись на кухню, он увидел там Сюй Ганя. Тот действительно стал его помощником на кухне и проводил здесь большую часть времени, помогая Тань Чжифэну с самыми разными делами.

Чтобы не думать о всяком, Тань Чжифэн поспешно принялся за работу. Но Сюй Гань был рядом, и разговоры людей невольно заставили его снова вспомнить тот потрясающий вид восхода солнца, когда они вдвоём сидели на спине белого слона. На одно мгновение ему показалось, что они действительно так и улетят в золотые облака и им больше не придётся возвращаться и сталкиваться с Бо и прошлым...

— О чём думаешь? — Сюй Гань стряхнул муку с рук и, подняв руку, коснулся лба Тань Чжифэна. — Не хмурься, устал — иди отдохни. Я сам справлюсь.

— О... — ответил Тань Чжифэн, одновременно снова упрекая себя за то, что опять выдал свои чувства. В отличие от него, Сюй Гань вёл себя гораздо естественнее. Его лицо было спокойным, с лёгкой улыбкой, и по сравнению с тем суровым видом, каким Тань Чжифэн его впервые увидел, он, казалось, сильно изменился, что быстро успокоило встревоженное сердце Тань Чжифэна.

Рядом в большом котле варилась густая, сладкая и ароматная каша Лаба. Перед каждым гостем стояла миска, а столы были заставлены всевозможными закусками: лопнувшими жареными каштанами в сахаре, хрустящими сушёными побегами бамбука из Западной столицы, острыми овощами яркого цвета в маленьких белых фарфоровых горшочках, освежающими полосками груши, а также ароматными медовыми сладостями, которые Тань Чжифэн приготовил по наитию...

Однако в последнее время гости больше всего любили заказывать маньтоу. С тех пор как государь посетил Императорскую академию и очень похвалил их маньтоу, они на время стали самой популярной закуской во всём Кайфыне.

Руководствуясь стремлением повысить свой профессиональный уровень, Тань Чжифэн попросил И-и купить несколько «маньтоу» для изучения. И-и принёс ему целую кучу разных: четырёхцветные маньтоу, маньтоу с сырой начинкой, жареные маньтоу с разными узорами, маньтоу со сладким мясом, с бараниной, с побегами бамбука, с рыбой, с крабовой икрой... Чжоу Яньцин тоже принёс несколько знаменитых маньтоу из Императорской академии. Все собрались вокруг и долго их разглядывали. И тут Чжочжо удивлённо воскликнула:

— Что?! Это не маньтоу, они с начинкой, это же баоцзы!

И-и снова с презрением посмотрел на «невежество» Чжочжо:

— Этот «маньтоу» не тот, что ты думаешь, ты просто никогда не видела кайфынских баоцзы...

— О? «Господин всезнайка», ты видел, так расскажи, в чём разница?! — Чжочжо не осталась в долгу. — По-моему, ты и сам не знаешь!

— М-м... — Тань Чжифэн поспешно прервал их. — На самом деле, это действительно немного отличается от... от того, что у нас дома. Но, по-моему, баоцзы в основном делают из теста на холодной воде, с овощной начинкой; а маньтоу популярны потому, что тесто у них дрожжевое, поэтому они белые и мягкие, а начинка в них в основном мясная, как вот эти маньтоу из Императорской академии. — Он разломил один и понюхал. — Здесь начинка из мясных волокон, вымоченных в воде с сычуаньским перцем, конечно, они нежные и ароматные.

Чанчан не удержался и откусил кусочек, приговаривая:

— М-м, вкусно! — Затем он осторожно разделил оставшуюся половину и покормил Лин-эр. Но Лин-эр, съев немного, закашлялся и сказал: — Немного перчёно и сухо.

Тань Чжифэн немного подумал, а затем поднял голову и, глядя на них, сказал:

— А давайте сделаем улучшенную версию маньтоу из Императорской академии?!

* * *

Сейчас Сюй Гань, подражая Тань Чжифэну, усердно месил тесто. Тань Чжифэн, устав стоять, притащил снаружи деревянный пень и сел рядом, продолжая наблюдать.

Неожиданно Сюй Гань спросил Тань Чжифэна:

— Этим ремеслом ты когда научился?

Тань Чжифэн был застигнут врасплох и, заикаясь, ответил не сразу:

— Я и сам не помню, в детстве, наверное? Смотрел, как родители делают, а потом... по-настоящему начал учиться не так давно, года четыре-пять?

— Сколько тебе тогда было, лет десять? — Сюй Гань, кажется, что-то понял. Он шлёпнул комок неровного, совсем не гладкого теста о доску и продолжил усердно его месить.

<http://bllate.org/book/14942/1323836>